

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ

ВОРОН

КомпасГид
издательский дом

Евгений Рудашевский

Ворон

ИД "КомпасГид"

2017

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Ворон / Е. Рудашевский — ИД "КомпасГид", 2017

ISBN 978-5-00083-175-5

В четырнадцать — ты уже не ребёнок. Понимаешь больше, людей знаешь лучше, природу чувствуешь тоньше. Дима шёл на долгую соболиную охоту с одной мыслью: с первым убитым зверем он преобразится и вернётся в город настоящим мужчиной. Проводник во взрослый мир — дядя Николай Николаевич, умеющий читать следы на снегу лучше, чем Дима читает свои книжки. Помогут юноше и балагур Артёмыч, и охотник поневоле Витя, и чуткая лайка Тамга — но откровением станет встреча с неуловимым вороном. Многодневная соболёвка — приключение, о котором можно рассказывать одноклассникам не день и не два. Лучший момент — вот он: Дима прицеливается в юркого зверька, нажимает на спусковой крючок, радостно кричит: «Headshot!» — всё словно в компьютерной игре! Мог ли юноша представить, что воля и мужество пригодятся ему вовсе не для этого, а делиться с друзьями придётся совсем иными историями? Дима, как и многие герои-подростки в книгах Евгения Рудашевского, висит между миром детства и вселенной взрослых. В «Вороне», как и в других своих повестях «Здравствуй, брат мой Бзоу!» и «Куда уходит кумуткан», Евгений Рудашевский создаёт своеобразный безмолвный диалог двух главных героев — человека и животного. В поведении этих «собеседников», в их судьбе есть что-то неуловимо общее. Может быть, это необходимость преодолеть тяжёлый миг ради дальнейшей жизни, а может, одиночество отбившегося от стаи, одиночество существа, впервые покинувшего уютное гнездо. Иллюстрации Петра Захарова вторят настроению книги и обостряют тот внутренний конфликт, который переживает главный герой. Писатель бережно сохраняет байки и премудрости охотников, их богатый значимыми нюансами язык: куржуха на ветвях поутру или ожеледь — вопрос принципиальный. Повесть «Ворон» легко встанет один ряд с произведениями Джеймса Фенимора Купера и Виталия Бианки, и при этом она отчётливо, безоговорочно современна. Дима — плоть от плоти XXI века. Природа для него не

мастерская и не храм: и сам он, и ворон, и бесчисленные деревья в тайге, все они — обитатели общего дома, единственного и потому бесценного.

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-175-5

© Рудашевский Е., 2017

© ИД "КомпасГид", 2017

Содержание

Против шерсти	7
Ворон	9
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгений Рудашевский

Ворон

© Рудашевский Е. В., текст, 2017

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2017

Против шерсти

С первых страниц своей повести Евгений Рудашевский даёт понять читателю, что легко ему не отделаться. «Ворон» не притворяется, не предлагает выбора – открывший книгу сразу оказывается в зимнем лесу, и отступать некуда. Настоящая жизнь. Главный герой повести Дима опрометчиво сожалеет об отсутствии шрамов. Шрамы будут.

Много чего будет. Тайга, звучащая как готический собор и молчащая на разные лады. Долгожданная свобода: от мучительной школы, от родителей, погрязших во взрослых своих компромиссах, от ежедневной и душной городской скуки. Мечты. Оружие, силой и властью которого очарован Дима. Снова мечты. Всё просто. Первая кровь. Первая любовь. Разочарование.

Диме четырнадцать лет. Дима влюблён в охоту.

Самозабвенно, всей душой, как умеют влюбляться только в детстве. Когда тяжело дышится, когда все мысли только об избраннице, когда все и всё вокруг расплывается в ненужном тумане, когда каждый день ожидания мучителен, да что там, каждый миг мучителен, время играет против тебя. Дима влюблён и ждёт встречи. Плохо спит, старается угадать место и время, первые слова, ощущения. Время ползёт.

Но вот оно, первое свидание. Счастье, Дима рассчитывает на взаимность, и рассчитывает не зря.

Предмет обожания хоть и отвечает этой самой взаимностью, но оказывается... каким-то неидеальным. Не отвечающим высоким Диминым требованиям. То ли избранница лицом к лицу не такая уж красавица, то ли напридумывал её Дима чересчур, то ли сами ожидания оказались завышены – всё вместе, наверное. Одним словом, первого свидания Димина любовь не выдерживает. Дима сильно разочарован, земля качается, мир вокруг рушится. Ошкуренный Дима остаётся один на зимнем лесном снегу. И вот здесь начинается главное.

«Ворон» относится к той нечастой разновидности подростковой литературы, где душа горит в полный рост. Опасная разновидность, не каждый читатель решится пройти до конца.

Дальше. Дима, оскорблённый в лучших чувствах, объявляет своему несбывшемуся идеалу войну. Классика жанра – от любви до наоборот один шаг. А у Димы один вздох. И вот уже предмет страсти становится объектом ненависти. Дима подкладывает бывшей возлюбленной кнопки на стул, дёргает её за косички, обидно обзывается, придумывает злые небылицы. Старается изо всех сил, чтобы все-все-все знали, какова она, эта бывшая избранница! Глупая, конопатая и тайно ковыряет в носу!

У Димы довольно неплохо получается.

Ситуация столкновения с неожиданными реалиями насколько обыденна, настолько и опасна. Она практически неизбежна в жизни и сложно отыгрывается в книгах. В литературе автору порой чрезвычайно непросто уйти от соблазна встать на сторону героя и его ясноглазой правды. А в жизни именно эта ситуация воспроизводит огромное количество несчастных людей. Неудачников, непризнанных гениев, мизантропов в ассортименте, борцов за права, и т. д. и т. д. Осознание простого факта неидеальности Вселенной способно превратить взрослого человека в равнодушного циника. Или в прагматичного конформиста. Или в требовательного истерика. В героя. В вечного нытика. В скользкого негодяя. В труженика. В человека, стремящегося сделать мир лучше.

Своему герою Евгений Рудашевский выбор предлагает. Зима, тайга, двадцать дней в компании охотников и охоты становятся для Димы полигоном, жёстким испытанием, прохождением которого должно открыть путь в новую, настоящую жизнь. Однако неожиданно и для героя, и для читателя это испытание изменяет не только Диму, но и его жизненные цели. Теперь у

Димы новый путь. Диме четырнадцать лет. Он ступает на подмороженный и хрустящий снежный наст. Для него всё только начинается.

Ворон. Скорее жив, чем мёртв.

Эдуард Веркин, писатель

Ворон

In angetto cum tibetto

Мы относимся к животным свысока, полагая, что их судьба достойна сожаления, – ведь по сравнению с нами они весьма несовершенны. Но мы заблуждаемся <...> Животные – не меньшие братья наши и не бедные родственники, они – иные народы, вместе с нами угодившие в сеть жизни, такие же, как и мы, пленники земного великолетия и земных страданий.

Генри Бестон.

Домик на краю земли

Я оплакивал <...> одиночество Человека, ставшего чужим на своей собственной планете и обречённого нести это бремя до самого смертного часа.

Фарли Моуэт.

Кит на заклание

Глава первая

На таёжной прогалине было по-зимнему тихо. Лес, скованный холодом и белоснежным однообразием, дремал.

Стоявшее тут зимовье казалось заброшенным. С наветренной стены его привалило сугробами, снежная шапка укрыла под собой низкую двускатную крышу. Ни тропинок, ни сле-

дов поблизости не было. Лесные зверьки держались в стороне от охотничьего дома, знали, что пожить здесь нечем.

Тайга бы так до весны и лежала в прозрачных, как байкальский лёд, снах, но вёдренным декабрьским утром её разбудил горячий маслянистый грохот – в километре от прогаины, у полосы густого перелеска остановился вездеход «Урал».

Из машины, будто снежные глыбы, выскользнули четыре охотника в белых накидках. За ними нырнула лайка. Когда притих бормочущий мотор, стали слышны голоса людей и задорный лай собаки.

Охотники после долгой поездки с улыбкой разминали ноги, шурились холодному, но яркому солнцу. Им предстояло сделать несколько ходок до зимовья, на санках перевезти всё заготовленное к промыслу.

– В такую погоду, если пойдёшь в кусты, долго там не думай. Потом будешь, как Снежная королева, с ледяным задом ходить. Тут нужна оперативность, как в Генштабе. Спустил штаны – грохнул из двустволки и зачехляй, пока не отмёрзло! – смеялся Артёмыч, бросая Диме очередную тюк.

Юноша улыбался в ответ. Ему нравился Артёмыч – невысокий, поджарый мужичок. Его бугристое, свежевспаханное лицо, улыбка тёмных зубов и сам взгляд выдавали сельское происхождение. С таким лицом Артёмыч не смог бы притвориться городским, даже если б вздумал натянуть костюм с галстуком и лакированные ботинки, а это с ним случилось лишь дважды: на собственной свадьбе и на отцовских похоронах. С тех пор костюм лежал в глубине антресолей, рядом с коньками «Хаген» и набором лото. На лбу Артёмыча, словно выпавшая прядь волос, виднелся уголок шрама.

– Подарок от соседа, – объяснил охотник, когда Дима впервые увидел шрам. – Тебе сколько?

– Чего?

– Лет, чего!

– Четырнадцать.

– Вот и мне так же было, когда сосед тяпнул по дружбе. Серпом. И это хорошо, что не топором! – Артёмыч, рассмеявшись, хлопнул юношу по плечу.

Дима вздохнул. Он стыдился, что на его теле нет шрамов. Даже самых маленьких. Засечки на коленках не в счёт. Дима был уверен, что у настоящего охотника должно быть много шрамов. Он бы не удивился, узнав, что у его дяди, Николая Николаевича, где-нибудь на спине или груди таятся волчьи или даже медвежьи отметины.

«Вот бы и мне такие, – думал Дима. – А лучше на лице, чтобы все видели. Меня бы спрашивали, а я бы спокойно отвечал, что это загнанный волк, вожак стаи, бросился на меня. Подарил пару шрамов, а в ответ получил нож – в самое сердце. Да...»

– Ну? Чего спишь? – Николай Николаевич подтолкнул племянника, застывшего с тюком в руках. – Давай дальше.

Оживившись, Дима заторопился к санкам.

Пока Николай Николаевич, Артёмыч и Витя перебрасывали тюки к зимовью, Дима и водитель вездехода разгружали кузов.

Из последней ходки пришёл только Николай Николаевич – забрать оставшиеся вещи и племянника. Молча простился с водителем. Тот должен был в конце месяца вернуться за охотниками.

Дима встал на лыжи – широкие, с загнутыми носами, набросил на плечи рюкзак и, тяжёлым скольжением продавливая снег, отправился вслед за дядей.

«Урал» с недолгим шумом уехал по свежей колее.

На тайгу вновь опустилась тишина, но теперь в ней не было ни прозрачности, ни вольности. Она стала колючей, затаённой.

Юноша едва поспевал за Николаем Николаевичем. Тот шёл не оглядываясь. Поблизости суежилась Тамга – его охотничья лайка. Она перебегала от кустов к лиственнице, всматривалась в кроны деревьев, принюхивалась к заснеженным корням, готовая выслеживать соболя уже сейчас, не дожидаясь команды от хозяина.

Диме не терпелось увидеть Тамгу в деле. Он с лета ждал этой *охоты*¹ и готов был, подобно лайке, сразу приступить к *соболёвке*: не заходя в зимовье, пуститься по следу, загнать своего первого зверька и сделать свой первый настоящий выстрел – почувствовать крепкую отдачу в плечо, увидеть живую кровь. Дима улыбнулся. Сбывалась его давняя мечта.

К их приходу Витя и Артёмыч вычистили от снега крыльцо и скололи с порога наледь.

Дверь отворилась с тихим шелестом, за ней показалась тёмная, с закрытыми ставнями комната. Пахнуло пылью и старым тряпьем.

Охотники вошли внутрь. Обстучали торбасы², стянули с себя белые накидки, расстегнули бушлаты. Уперев к стене лыжи и побросав на пол рюкзаки, принялись оживлять хозяйство. Тамга пока что не решалась зайти, сидела возле сгруженных тюков.

Дима расстроился, узнав, что в первый день охотиться никто не будет, но с радостью выполнил все поручения дяди, а потом ушёл с Артёмычем рубить сосенки и лапник – из них предстояло собрать навес для дров. Навес заново собирали каждую зиму, потому что летом его непременно разламывали медведи. Должно быть, думали, что это лабаз³, и надеялись пожить охотничьим схроном.

В прошлые годы медведям случалось выламывать ставни, бить окна и даже высаживать дверь, а потом без толку колобродить в зимовье.

– Там и нет ничего, – рассказывал Артёмыч. – Но бывает, тушёнка завалилась или ещё какая консерва.

Медведь и рад. Тут долго не думай. Положит банку на одну лапу, а другой – шмяк, банку сплющит, сгуха из неё брызнет, и он, довольный, потом лапу вылизывает. Так и делает, да! Теперь вот ничего не оставляем. А навес всё одно ломают, будто назло.

Дима, улыбаясь, шёл за Артёмычем, закидывал лапник в сани и поглядывал на дикую тайгу вокруг. Думал о том, что одноклассники сейчас ему завидуют, особенно Сашка, с которым он со второго класса сидел за одной партой. Тот всегда мечтал пострелять по-настоящему. Участвовал в чемпионатах по «Counter-Strike»⁴, в деталях знал конструкцию любимой винтовки М-4, но всего этого ему было, конечно, мало. Как-то он стащил у старшего брата пневматический «Макаров». Они с Димой тогда пробрались в развалины Курбатовских бань и там стреляли по картонкам, бутылкам, напоследок даже пальнули в крысу – потом, смеясь, слушали её писк. Хотели выстрелить ещё раз, Сашка всё надеялся попасть крысе в голову, чтобы провозгласить любимое «Headshot!»⁵, но не смогли её отыскать, а лезть в подвал побоялись – там всюду лежали грязные матрасы бомжей. Это был один из лучших дней весенних каникул. Правда, Сашке потом влетело от старшего брата, когда тот недосчитался двух газовых баллонов.

Дима всем друзьям рассказал, что едет на охоту. Они ещё сидят за партами, пишут диктанты и срезы по алгебре, а он тут готовится к настоящей жизни. Никто из них, даже Сашка, не держал в руках охотничьего ружья.

¹ О понятиях, напечатанных курсивом, можно подробнее прочитать в «Комментариях» в конце книги.

² Торбасы (торбаза) – сапоги из шкуры с мехом наружу.

³ Лабаз – деревянный навес в лесу, который закрепляют высоко между деревьев, чтобы хранить на нём припасы и так уберечь от зверей.

⁴ «Counter-Strike» – серия популярных компьютерных игр, в которых вы можете выступить за одну из противоборствующих сторон: террористов или контртеррористов.

⁵ «Headshot!» (произносится «хэдшот») – «выстрел в голову» (англ.). Термин используется в компьютерных играх для обозначения убийства противника одним выстрелом в голову.

Этим летом Николай Николаевич учил Диму стрелять по банкам из мелкашки. Хвалил за попадания, говорил, что с такой меткостью он без добычи не останется. Увидев на заборе соседскую кошку, предложил потренироваться на ней. Юноша обрадовался этой возможности, прицелился, положил палец на спусковой крючок, но так и не выстрелил. Не опускал ружья, задерживал дыхание, крепче упирал приклад в плечо – всё как учил дядя, но отчего-то медлил. Кошка тем временем прыгнула на другую сторону забора. Дядя обвинил Диму в нерасторопности, сказал, что соболю не будет так долго ждать свою пулю. Юноша промолчал. Сашка бы тут не растерялся. Ему что крыса, что кошка. Главное – «Headshot!».

В следующие дни Дима старательно отстреливал банки, надеясь на похвалу Николая Николаевича, и только побаивался, что тот опять предложит палить по котам или, что ещё хуже, по собакам.

Всю осень Дима томился в нетерпении. Надоед друзьям рассказами об охоте. Даже Сашка в последнее время начал морщиться от этих разговоров, но тут было понятно, что завидует. У него-то в родне не нашлось ни одного охотника.

Весь ноябрь Дима просыпался с мыслью о том, как вместе с дядей идёт по соболиному следу, как стреляет в пушистого зверька, а потом держит в руках его мягкую тушку. Он был уверен, что охота станет его посвящением во взрослую жизнь. Хотел так же, как и Николай Николаевич, чувствовать себя хозяином тайги, не бояться даже гиблой чащи и населявших её зверей: волков, медведей, рысей.

Вот уж больше года Дима ходил в библиотеку на улице Трилиссера, брал книги об охоте. Правда, читал без увлечения, урывками. Интереснее было с закрытыми глазами представлять, как он сам, истощённый, израненный ирбисом или росмахой, заваливается в сугробы, одеревеневшими пальцами успевает нажать на спусковой крючок – сделать последний выстрел и свалить хищника, летевшего на него в смертельном прыжке и готовившего свои когти для решающего удара. А потом съесть его дрожащее сердце. А потом напиться его кровью, как это делали герои Буссенара. А потом вскрыть, выпростать его тушу и переждать в ней ночную пургу, как какой-нибудь загнанный траппер... Дима понимал, что соболёвка не будет столь красочной и кровавой, но это не мешало наслаждаться фантазиями, которые к зиме рисовались всё ярче.

Ему вспоминалось, как один из охотников писал в своих записках, что, добыв первого вальдшнепа на тяге, он промолвил: «Ах, какое очищение души! Теперь надолго хватит. Лучше этого ничего не может быть!»

«Очищение души». Дима не знал, что это значит, но надеялся непременно испытать, как только подстрелит первого зверька. Воодушевлённый ожиданием, он выставлял на полке солдатиков, отстреливал их из пружинного ружья – пластиковыми пулями, а во сне видел, как в его комнате, перебирая мохнатыми лапками, вдоль плинтуса торопятся соболи.

– Не уйдёте, – шептал юноша и уверенно добывал их одного за другим.

Постоянные щелчки игрушечных выстрелов и разговоры об охоте злили маму. Она вообще не хотела отпускать Диму к дяде. Ей не нравилось, что сын раньше других ребят выйдет на каникулы, не нравилось, что он научится убивать. Она не любила охоту. Впрочем, это не помешало ей однажды принять в подарок от Николая Николаевича соболю шубу, сшитую из меха подстреленных им зверьков.

Дима вообще не очень понимал маму. Людмила Викторовна работала научным сотрудником в Институте эпидемиологии и микробиологии, проводила опыты на мышах – изучала, как на них влияют новые препараты. Вводила вакцину больным, нарочно заражённым мышам, а потом смотрела, как они на это реагируют. Колола их в хвост и в глаза. Об этом Дима узнал от папы. Потом ещё долго не мог успокоиться – смотрел на улыбчивую маму, а сам невольно представлял, как она с такой же улыбкой держит в кулаке мышь и медицинской иглой протыкает ей крохотное глазное яблоко...

«Линейные мышцы, расходный материал».

«Иммунные мышцы, расходный материал».

«Мыши – живые пробирки. Им в живот вводят гибридому, выращивают злокачественную опухоль, вытягивают из них антитела. Богатый источник биоматериала».

– Знаешь, а ведь все золотистые хомячки, над которыми раньше ставили опыты, произошли от одной пары, – рассказывала она Диме. – Да... Вот так. Сотни поколений одной семьи – подопытные. Страшно это, конечно. Но теперь их заменили мышами. Сейчас редко где встретишь хомячка. И хорошо. Они ведь такие славные, жалко их.

«Расходный материал».

Когда приходило время избавиться от подопытной мыши, мама одной рукой прижимала ей голову, а другой сильно дёргала за основание хвоста – глухой хруст означал, что позвоночник сломан, что зверёк умер.

«Цервикальная дислокация. Смещение шейных позвонков. Самый дешёвый и распространённый способ».

Мама по-своему любила своих мышей. Заботилась о них. Рассказывала, какие они забавные, милые, как встречают её задорным писком. Уходя в отпуск, продолжала по вечерам ходить на работу – за свой счёт баловала их, кормила детским питанием.

«Пюре из говяжьего языка с рисовой крупой».

«Фрикадельки из курицы с картофельным крахмалом».

«Питательная смесь из индейки с повышенным содержанием йода».

– Очень сложно привить им человеческую болезнь. На это уходит много времени. Потом они как родные. Привыкаешь к ним, – с сожалением говорила Людмила Викторовна, раскладывая по тарелкам куриное филе.

Ещё у мамы случались «приступы вегетарианства». Их так называл папа. Прочитав о том, как мучают животных на ферме, или посмотрев об этом документальный фильм, Людмила Викторовна в слезах заявляла, что больше не потерпит мяса в своём холодильнике. Отказывалась покупать окорока и отбивные, не хотела смотреть даже на сосиски и колбасу. В чулан прятала подаренную Николаем Николаевичем шубу, на балкон убирала оленьи рога, которые папа ещё в молодости повесил в коридоре и с тех пор использовал вместо вешалки. Туда же отправляла папино охотничье ружьё с ореховым прикладом и новенькое ружьё для подводной охоты, из которого он за эти годы стрелял лишь однажды – на отдыхе в Таиланде. Мама начинала до слёз зачитываться жалобными историями про больных и брошенных котят, копировала их на свою страничку, правда, жертвовать на лечение отказывалась, говорила, что не знает, кому на самом деле достанутся деньги.

Недели через две приступ вегетарианства ослабевал. Устав от сплошных кабачков, гречки и макарон с помидорами, мама соблазнялась запахом пельменей или жаркого, злилась, что соседи готовят, распространяя ароматы на весь подъезд. Увидев на ужин говяжьи котлеты или борщ с крупными разваристыми кусками мяса, папа и Дима знали, что теперь можно расслабиться, и, посмеиваясь, смотрели, с какой жадностью Людмила Викторовна высасывает из костей костный мозг. На место возвращались и шуба, и оленьи рога, и ружья, а с личной странички пропадали все жалобные истории – мама радовалась, что не дала себя обмануть, что отбилась от мошенников, которым в действительности не было никакого дела до всех этих котят.

Подходя к зимовью, Дима вспоминал мамину шубу и надеялся со временем подарить ей такую же; быть может, тогда она признает его увлечение охотой. Кроме того, надеялся однажды подарить соболью шапку Кристине, своей однокласснице. Она любила всё мягкое, пушистое и должна была оценить такой подарок. На прошлый день рождения Дима купил ей игрушечного белька байкальской нерпы.

Юноша уже не сомневался, что и в следующий промысел отпросится к дяде.

Сам Николай Николаевич охотился лет с десяти, всему научился от отца. За долгие годы и рыбачил, и нерповал, отслеживал диких кабанов, лосей, изюбров, стрелял глухарей и куропаток, настораживал *кулёмки* на всякую пушную живность, в былые времена даже травил волков, но главной его страстью всегда оставалась соболёвка.

Он был высоким, крепким мужиком. Ладони у него – большие, словно раздутые. Пальцы – тугие, поросшие рыжим волосом, мозолистые; такими не больно прихватить уголёк. Лицо Николая Николаевича было обветрено, покрыто коричневыми пятнами, на щеках виднелись пучки недобритой светлой щетины.

Он был совсем не похож на светлолицего, улыбчивого брата – Диминого отца, который сам давно не выезжал на охоту, но соглашался с тем, что мужчина должен хоть раз понюхать порох на своих пальцах и пролить кровь дикого зверя. Всё это Дима надеялся сделать на следующий день, а пока что помогал оживлять зимовье от долгой спячки.

Охотники разворачивали тюки, выставляли ружья, коробочки с патронами, вывешивали одежду, закладывали по тумбам консервы, стелили по койкам спальные. Витя и Артёмыч осматривали оставшиеся тут с прошлого года капканы, проверяли проволоку и топоры.

Николай Николаевич старыми дровами разбудил печь – решил готовить обед, для чего выслал племянника из дома накопать в котелок снега.

Снаружи было холодно, но безветренно. Дима смотрел на окружившие поляну деревья, на синее небо, обмётанное белоснежной *куржухой* облаков.

Снег продавливался, скрипел под торбасами, в остальном было тихо. Никогда ещё Дима не слышал такой осязаемой ясной тишины. Хотелось затаиться, самому стать тихим, как вековая лиственница, и в то же время – немедленно разбить эту стеклянную безмятежность, издав какой-нибудь звук... Такое противоречие было приятным.

В зимней тайге таилось больше умиротворения, чем в самых спокойных уголках города, но тут всюду чувствовалась и какая-то особенная напряженность – сочная, упругая, словно лапы дикой пумы, готовой к смертельному прыжку.

Дима вдохнул – глубоко, до самого упора, и медленно выдохнул. Огляделся, надеясь приметить волка или лисицу. Шагнув вперёд, увидел ворона. Тот сидел на лиственнице возле зимовья и разглядывал юношу. Чёрный, с чуть взгорбленной головой, он сложил к бокам крылья и был недвижим, будто и не живой вовсе. На солнце его холка отливала фиолетовым. Под клювом, на шее, топорщились мелкие перья, словно взъерошенная борода. Терновые лапки надёжно стояли на ветке. Крупные бусины глаз смотрели ровно.

– Чего уставился? – усмехнулся Дима.

– С кем это ты? – удивился вышедший Артёмыч.

– Вон, – Дима кивнул к ворону.

– Тебя тут не хватало! – проворчал охотник. Махнул рукой: – Пшёл!

Птица не испугалась, осталась на месте.

– Ну сиди, сиди. Сейчас стрельну, там посмотрим, какой ты смелый.

– Кого собрался стрелять? – спросил вставший у двери Витя.

– Вон, сидит.

– Ворон? Ну и чего? Пусть себе.

Артёмыч ничего не ответил, оттолкнул Витю и молча ушёл за ружьём. Едва он возвратился, на ходу заталкивая патрон в патронник, как ворон выставил крылья – будто сложенные из тонких пластин чёрного сланца, – склонился с ветки, издал своё трескучее «кра» и улетел за дом. Охотник не успел даже прицелиться:

– Чёрт бы тебя...

Николай Николаевич, вышедший к порогу, усмехнулся.

Больше о вороне пока что не вспоминали.

Собравшись к завтрашнему дню, охотники позволили себе отдохнуть.

Вечером сидели при двух светильниках, в тенистом сумраке.

Зимовье было небольшим, четыре на пять метров. Три койки, раскладушка, печка, две тумбы и небольшой стол занимали почти всё его пространство. Охотникам предстояло жить здесь двадцать ночей. Тесновато. Но Диме тут нравилось больше, чем в его просторной квартире.

«Какое очищение души.»

«Лучше этого ничего не может быть.»

Засыпая, он вспоминал ворона. Красивая птица.

Напрасно его спугнули. Пусть бы сидел себе... Комната наполнилась вязкой дремой. В ней юноша едва слышал далёкий разговор дяди и Вити. Они, усмехаясь, обсуждали прошлогодний промысел, надеялись, что нынешний будет не менее успешным.

Перед самым сном Дима подумал, что не знает, как обращаться к Артёмычу. Называть его Артёмычем он не решался, это имя казалось чересчур свойским, а называть его дядей Артёмом было бы глупо – пожалуй, сам охотник и засмеял бы его за такое обращение.

«Ничего, убью первого соболя, тогда и станешь ты мне Артёмычем. Может, и мне какое прозвище дадут. Назовут как-нибудь по-своему. Диман. Димичин. Дёма». Улыбнувшись своим мыслям, юноша отвернулся к стене и вскоре уснул.

Глава вторая

– Да всякие тут бывают, – протянул Витя.

Дима, подперев щеку, нехотя допивал чай. Он не привык вставать потемну, когда небо ещё не высветилось ни единым отблеском зари. Ленивое тело было залито свинцом. Чтобы скрыть зевоту, приходилось до боли стискивать зубы, отчего в ушах шумела вьюга.

– Я тут и рысь встречал, и кабаргу, – Витя ладонью приглаживал взъерошенные после сна волосы. – Рысь так вообще близко подходила.

– Ладно заливать, – хмыкнул Артёмыч, смоливший лыжи и полозья санок. – Рысь он видел, ага. Ещё тигр, скажи, с Амура к тебе забегал.

– А чего ты? Рысь как рысь. – Витя продолжал говорить Диме, на Артёмыча даже не смотрел, привык к его шутливому ворчанию. – Она знаешь какая?

Дима качнул головой.

– Мягкая такая, с голубеньким отливом. Красивая, – мечтательно улыбнулся охотник и тут же добавил: – А как заголосит, так лучше б молчала. Голосок у неё мерзкий. Она, знаешь, так – не кричит, а больше икает, причём истерично, громко. А потом, как наикается, начинает хрюкать – давится, будто грызёт что-то, и прихрюкивает. Если не знаешь, никогда не подумаешь, что рысь.

Артёмыч, всё это время кряхтевший от сдавленного смеха, не выдержал и расхохотался в голос:

– Во даёт! Слышь, Николаич, рысь ему тут то хрюкала, то икала!

Николай Николаевич даже не посмотрел на Артёмыча, будто и не слышал его.

– Да я так, образно это... – тихо оправдался Витя, потом громче добавил: – Виноват я, что ли, что голос у неё такой?

– Не слушай его. – Артёмыч подмигнул Диме. – Он тебе тут такой пурги нанесёт, только уши открывай.

– Да говорят тебе! – нахмурился Витя. Решил изобразить голос повстречавшейся ему рыси.

Подбоченившись, он и в самом деле стал икать, но звук получился какой-то ослиный. Артёмыч, начавший что-то говорить, запнулся, скривил губы, потом зашёлся в хохоте – так, что лыжи повываливались у него из рук. Витя, недовольный своей попыткой, стал икать ещё громче.

Юноша сдерживал улыбку. Ему было обидно за Витю. Он верил ему и хотел побольше услышать про рысь и других животных тайги. Николай Николаевич, повидавший ещё больше зверья, редко рассказывал о них. Впрочем, у Димы раньше не было возможности нормально пообщаться с дядей. Приезжая в гости, тот запирался с папой на кухне, откуда доносились лишь приглушённые голоса, такой разговор и не подслушаешь. С племянником Николай Николаевич говорил коротко и по делу – даже этим летом, когда они целую неделю провели вместе.

Витя, живший в Ангарске и работавший сторожем на овощной базе, был пухлый, почти толстый. Когда он улыбался, его лицо становилось совсем круглым. Артёмыч, пошучивая, говорил, что у Вити «морда такая, на тракторе не объедешь». Однако полнота не мешала ему охотиться и ходить на лыжах.

Дима только вчера с удивлением узнал, что раньше Витя работал учителем музыки и до сих пор давал частные уроки игры на фортепьяно. Никто толком не объяснил юноше, почему охотник уволился из музыкальной школы. Сам он промолвил только, что устал от суеты, от детей, что сторожем в его возрасте работать спокойнее.

Заливистый, лающий смех Артёмыча перекрывал все оправдания Вити, и тот наконец умолк, а потом и сам рассмеялся. Обеспокоившись, залаяла Тамга. Она не понимала, что происходит и чем вызван переполох. Наконец и Дима не сдержался. Лишь Николай Николаевич оставался спокоен, с безразличием поглядывал на хохочущих друзей.

Вскоре веселье для Димы сменилось огорчением. Дядя сказал ему, что и в этот день охоты на соболя не предвидится. Охотники ненадолго выйдут в лес, чтобы проверить соболиные следы, а весь день будут заготавливать дрова и готовить капканы.

Юноша окончательно расстроился, узнав, что его даже не возьмут в тайгу на разведку. Дядя наказал ему вымести зимовье от всякого сора и поработать лопатой – высвободить замёрзшее сугробом окно.

С веником в руках Дима вышел на крыльцо. Провожал охотников и завидовал лайке – её, конечно, никогда в доме не оставят.

Николай Николаевич указывал путь, но не всегда шагал впереди – *тропить* твёрдый снег было нелегко, и мужчины сменяли друг друга. Тамга бежала рядом с хозяином, принимаясь, оставляла за собой извитый пунктир следов.

К январю в этих краях снега выпадет ещё больше, тогда уж с собакой поохотиться не удастся: утопая в сугробах, она не сможет преследовать зверьков. Останется только расставлять *плашки* и капканы или уходить севернее, к плоскогорью, где глубоких заструг⁶ никогда не бывает.

В одиночестве в сумрачной избушке, в окружении дикой тайги, где бродят голодные волки и рыси, Диме стало не по себе. Страх был мимолётным, отступил, едва Дима принялся мести пол, но юноша не захотел его отпускать, решил потешиться им и так прогнать скучное время. Представлял, что буран уводит охотников к гибели, что их встречает разъярённый шатун. Их безжизненные, изодранные медведем тела погребены под снегом, и Дима остаётся один – неопытный четырнадцатилетний подросток посреди опасной чашобы.

Он раззадоривал себя такими мыслями, чувствовал, как страх холодит грудь, и радовался этому. Будет что рассказать Сашке и Кристине. Пока они листают учебники, корпят над домашним заданием, он выживает в лесу. Из разведки вернулась лишь Тамга. Раненая, но живая. Дима вылечил её, затем начал охотиться с ней на соболя – не сидеть же без дела! Повстречал злобно икающую рысь и медведя, убившего охотников. Тот узнал вкус человеческого мяса и захотел добавки. Дима убежал от него, а потом заманил в ловушку. Насадил на острые колья и умертвил выстрелом из ружья. Нет, ударом топора! Пробил ему макушку и –

⁶ Заструга – длинная узкая снежная гряда, упирающаяся в какое-либо препятствие (например, дерево или каменную глыбу) с подветренной стороны.

«Headshot!». Сделал на память ожерелье из когтей и клыков. Снял с медведя шкуру. Высушил её и стал носить вместо маскировочной накидки. Теперь уж ни один хищник не решится к нему подойти. Он стал хозяином тайги, настоящим мужчиной. Мама не узнает его. И да, перед смертью медведь успеет полоснуть его когтями по лицу – оставит три шрама, рассекающие бровь и щёку. Друзья, увидев его, побледнеют: Сашка – от зависти, Кристина – от восторга, Артём – от ужаса.

Дима вновь и вновь повторял эти сцены, выжимал из них последние капли страха, наслаждался ими, смаковал их. Под конец добавил схватку с рысью и волком, нет – со стаей волков, окруживших его в чащобе и скаливших белоснежные клыки.

Юноша убирался с особенным рвением, надеялся на похвалу от дяди. Даже протёр пыль на полках, смёл с них целое полчище засохших жуков и мотков паутины. Заодно внимательнее рассмотрел детали охотничьего быта.

На подоконнике и просто по углам ворохом лежали старые консервные банки со множеством пробитых отверстий, мятые кружки, кассетный магнитофон «Весна» и поломанные кассеты, из которых свешивались потроха чёрных лент. Коробки от молока с сушёными грибами и закаменевшими ирисками, ржавые бритвенные станки и мятые помазки, жёлтые огарки свечей, железки разных изгибов и размеров, баночки с гвоздями и даже запylённый одеколон «Новая заря» – всё это выдавало долгую жизнь зимовья, в котором охотники собирались в разные сезоны, и не только для пушного промысла.

Юношу развеселили два выцветших плаката. Один – с «Ладой-1300». Другой – с полуобнажённой девушкой на берегу моря, в окружении пальм. Он с сожалением подумал, что не взял сюда какой-нибудь из своих футбольных постеров с Зинедином Зиданом; можно было бы оставить тут о себе память.

Охотники вернулись к полудню. Дима закусил губу, узнав, что первый выстрел прошёл без него. Николай Николаевич подстрелил изюбра. Тот по неосторожности вышел ему навстречу, и это было большой удачей. Обычно изюбры пугливы и отследить их сложнее, чем того же лося. Охотники освежевали его на месте, к зимовью привезли только куски мяса и потроха. Мордочка Тамги была перемазана кровью – ей дали порезвиться над свежей тушей, в крови были и санки.

Ещё больше Дима расстроился, когда дядя отругал его за уборку – узнал, что племянник весь наметённый сор вытряхивал в печку:

– Балбес ты, парень! Головным мозгом думать-то надо.

Оказалось, что сор из зимовья выбрасывают наружу: в нём могут затеряться мелкокалиберные патроны. Печка от такого топлива растрескается.

Обижаться на дядю было некогда. В этот день ещё оставалось много забот.

Витя и Артёмыч занимались капканами. Старые капканы нужно было очистить от ржавчины, новые – от заводской смазки. Затем предстояло кипятить их в еловом настое, чтобы прогнать лишние запахи.

– Соболь, он такой, сразу чует человеческую руку, – приговаривал Артёмыч.

Дима с интересом наблюдал за его работой, старался не упустить ни одной детали. Рассматривал капканы; каждый из них был чуть больше ладони. Помогал связывать их в гроздья и опускать в кипящую воду. В зимовье пахло свежим жарким лесом.

Увлечённый этим таинством, Дима позабыл все обиды. Наконец началось его обучение охотничьему ремеслу. В школе о таком не расскажут. «Это вам не дробь высчитывать», – улыбнулся юноша, наблюдая за тем, как Витя напильником стёсывает с дуг заусенцы, пальцем проверяет чуткость спусковой ложечки.

– Важно как? – объяснял он Диме. – Если слабо присобачить, то соболев подёргает да высвободится. Дело такое. А если ему сильно шмякнет, так лапку перебьёт, а соболев не дурак,

отгрызёт её, в капкане оставит да сбежит. Да, такое бывает. И трёхногих соболей ловят. Живут себе и без лапки.

Дима улыбнулся, представив, как колченогий зверёк вразвалку убегает из западни. Покоился на Артёмыча, ожидая, что он будет насмехаться над Витей, но Артёмыч молчал.

– Это всё любители, – продолжал Витя. – Понакупают капканов, а как их правильно насторожить, и не знают.

Юноша молча кивал. Уж его-то после этого промысла любителем никто не назовёт.

Николай Николаевич тем временем разрезал мясо изюбра на куски. Несколько кусков отдал Артёмычу – на приманку для соболя. Артёмыч измельчил их на тонкие полосы, завернул в целлофановые пакеты и повесил в тёплом углу, чтобы приманка там дозревала.

– Холод выстужает все запахи, надо, чтобы мясо подтухло, – объяснил он Диме. – Чем сильнее запах, тем лучше.

– А как понять, что приманка готова?

– А так и понять! – рассмеялся охотник, расчёсывая шрам на голове. – Как завоняет тухлятиной, считай, созрело. Потом его посолить и с потрохами в бидоны напихать. Проквасится там и – во! Лучше привады⁷ не найти. Это тебе не на орехи с ягодой ловить.

Подумав, Артёмыч опять рассмеялся. Сквозь смех, давясь, сказал Диме, что некоторые охотники используют соболиные кал и мочу. Запах у них сильный и всегда привлекает зверьков:

– Так и ходят по лесу, значит, говнецо мороженое собирают, потом оттаивают его и лепят куличики. Веселуха, чего тут!

– Ну а что? – отозвался Витя. – На мочу не только соболя ловят. Вот оленей зимой на всё солёное тянет, так они на мочу за сотни метров идут – крепко чувят. А волки этим пользуются. Помочился на снег, а сам спрятался поблизости, так и караулит.

– Ну да, – хохотнул Артёмыч. Подмигнув Диме, заговорщицки прошептал: – Мочевая засада. Надо попробовать.

Остальное мясо изюбра охотники решили увезти домой и подготовили для *обыгания* – его нужно было высушить на солнце и подморозить. Для этого протянули верёвку от лиственницы, той самой, где сидел ворон, к зимовью. Привязали к ней куски мяса. Других забот оно не требовало.

– Пускай висит себе, никто его не тронет, – махнул рукой Николай Николаевич. – Собирайся, пойдём за дровами.

Охотники рассчитывали ещё днём привезти на санках пару хороших чурок, но их место тогда занял изюбр.

Витя остался в зимовье – покрывать капканы парафиновой плёнкой, чтобы они не индевели на холоде. Все остальные ушли в лес.

Дым из трубы изгибался коромыслом. Николай Николаевич, глядя на него, сказал, что завтра будет тепло. Удачное время для охоты на соболя. Дима обрадовался этому и, уходя к опушке, ещё несколько раз оборачивался посмотреть на печной дым, словно хотел отблагодарить его за хорошую примету. Обернувшись в последний раз, увидел кружившего над домом ворона.

«Неужели тот самый? – Юноша удивился его настойчивости. – Доиграется ведь, пристрелим. Чего он тут потерял?»

Ворон кружил плавно, беззвучно и о своих планах Диме рассказывать явно не собирався. «Ну и пусть».

⁷ Привада – корм, который кладётся в определённое место с целью «привадить» – приучить зверя систематически приходить на данное место.

В тайге дядя с Артёмычем подыскивали сухостой, а Дима с интересом высматривал живность. Её здесь было не так уж много. Должно быть, всех распугала задорная Тамга, перебежавшая от охотника к охотнику, лаявшая на любое движение в ветвях.

Вскоре юноша увидел на ели настоящего клеста. Тот беспокойно озирался, приподнимал скрещённый на концах клюв, цеплялся им за веточки, подтягивался, словно попугай, помогал себе лапками. Искал шишки. Чуть больше воробья, клёст был бы незаметен в пышной хвое, если б не его оранжевое оперение – светлое на брюшке и чуть более тёмное на голове. Приметив людей, он разразился недовольным «тр-ри, чи-чи-чи-чи» и юркнул на соседнюю ель, затем – ещё дальше, пока совсем не пропал из виду.

Заметил Дима и белку-летягу. Размером меньше простой белки, пушистая, подвижная, она прыгала с дерева на дерево, вытягивала лапки – расправляла меховую складку и планировала, на несколько мгновений превращаясь в настоящую птицу.

Дышалось легко, просторно. Жизнь казалась ясной, понятной. Все её противоречия и недомолвки остались там – в городе, среди людей, не знающих таёжной вольности, незнакомых с тяжестью ружья на плече.

Снег в лесу был разным. Порой ложился гладкой поляной, на которой тысячи бабочек выставили вверх свои хрустальные крылья. Иногда расходился белоснежным лабиринтом крохотных каналов. На прогалинах, под солнцем, он сжимался тоненькими, поднятыми наискось пиками. Но чаще собирался мятыми сугробами, на которых диковинным плетением угадывались звериные следы.

За скрипом снега не было слышно прочих звуков, лишь изредка из чащи доносился треск сломленной ветки.

За дровами пришлось сделать несколько ходок, и Дима порядком устал, хоть к пиле его и не подпускали. Дядя и Артёмыч сами валили деревья, а Диме доверяли обрубать с них ветки. Это было не так сложно, но руки без привычки к подобному труду быстро устали.

– Ну что? Как тебе такая физкультура? Это тебе не по залу бегать. – Артёмыч отёр со лба испарину. – Не через козлов прыгать. Тут посложнее, да?

– Да уж, – запыхавшись, вздохнул юноша. Он и не думал, что на холоде можно так вспотеть.

Вечером Николай Николаевич, сидя на низеньком табурете, взмешивал закипающий борщ, вдыхал его сытные пары. Пробовал картошку, свёклу, отзывался на вопросы племянника и поглаживал ладонью щёки.

Артёмыч отбирал рыбную приманку на завтрашний день. Витя лежал на койке. Опасаясь, что его пристыдят за безделье, без надобности проверял ружьё. Забывался в мягкой полудрёме, и тогда его руки слабели, ружьё свешивалось дулом вниз, глаза прикрывались. Любой, даже самый тихий звук вызволял Витю из сонливости, и он вновь принимался озадаченно разглядывать то цевьё, то приклад.

Тамга лежала на пороге. Принюхивалась к зреющему ужину, ждала, что её угостят супом.

За окном, во мраке, бесновался ветер: разносил снег, ударялся в затворенные ставни, ломал с деревьев ветки. Тем приятнее было отдыхать в доме, тёплом, защищённом от ненастий.

Зимовье казалось невообразимо маленьким – светлая точка, затерянная в дебрях сумрачной тайги. И чем сильнее завывала выюга, тем уютнее было здесь, в тёплых стенах, напитанных запахами еловой настойки, борща и раскалённой печи. И не было тут ни компьютера, ни телефона, ни школьных друзей, но Дима не знал скуки. Сейчас всё было исчерпывающе просто – и сама жизнь, и приютившая её природа.

Юноша подумал, что прелесть охоты – именно в таких минутах, когда труд окончен и теперь дозволено расслабиться, поесть, а затем лечь на раскладушку: в ногах сожмётся боль, перед закрытыми глазами пробежит серая чаща, рядом, в печке, запыхтят поленья, и не будет

нужды торопиться куда-то или о чём-то говорить. Нежиться бы так долгие часы, но сон, будто из вредности, приходил быстро, незаметно.

Витя после двух тарелок супа хотел выйти курить, но прилёг, чтобы всё улежалось в желудке. Так и уснул, не раздевшись, сдавив в пальцах незажжённую сигарету.

Вскоре уже спал весь дом. Лишь Тамга отчего-то ворочалась возле печки.

Глава третья

Утром Николай Николаевич разогрел на печи оставшийся с вечера борщ. Дима ел через силу. Он был так взволнован предстоящей охотой, что совсем потерял аппетит. Даже сидя за столом, не опускал с колен ружьё, словно боялся, что забудет его в зимовье.

– Оставь. Всё равно стрелять пока не будешь, – предупредил его дядя.

Юноша не спорил, но ружьё держал при себе. Глядя на это, Артёмыч протянул:

– Нашёл себе невесту, да? Только смотри, вспыльчивая она у тебя. – Помолчав, хохотнул и добавил: – И детишки от неё те ещё, со взрывным характером.

Юноша вяло улыбнулся в ответ. Мял рукава, выстукивал по столешнице. Весь извёлся в ожидании выхода.

Наконец вышли. Заложили дверь полешком.

Николай Николаевич проверил обыгвавшееся мясо – оно висело на верёвке словно стиранное бельё странных размеров и цвета. Потрепал Тамгу за холку и встал на проторенную вчера лыжню.

До опушки дошли все вместе. Дальше разделились. Каждому охотнику предстояло вытропить собственный путик⁸ и в ближайшие дни охотиться на нём. Витя и Артёмыч должны были в одиночестве расставлять капканы, а Николай Николаевич с Тамгой – выслеживать и отстреливать зверьков из ружья. Дима в этот день пошёл с дядей.

Перебираясь через увалы, опасливо проходя буреломы, они одолели не меньше пяти километров, прежде чем оказались в малоснежной долине. Здесь для них начался промысел.

Николай Николаевич сказал, что этот год был неурожайным на рябину, а значит, соболя нужно искать в ягодниках и кедровнике.

Тамга бежала возле охотников, ждала первой команды, лишь изредка срывалась в сторону, но дядя тут же окрикивал её назад, шутливо называя нетерпеливым Дебил Дебилычем.

Под лыжами сухо поскрипывал снег. Дима впервые с благодарностью подумал о зимних уроках физкультуры. Без них он бы сейчас далеко не ушёл.

С деревьев за охотниками следили кедровки – небольшие птички с прямым, как шип, клювом, в коричневой шубке, усыпанной белыми пёрышками, словно обметённой снегом. Они тянули резкое «фряк-фряк-фря», потом начинали тараторить простое «та-та-та, та-та-та». Юноша с улыбкой прислушивался к их крикам. Дядя его радости не разделял, сказал, что кедровки только мешают охоте – клюют угодивших в капкан соболей и портят им шубки. Обилие кедровок этой зимой означало, что Вите и Артёмычу придётся чаще проверять свои насторожки.

Тамга теперь чаще отбегала в сторону, вслушивалась в тайгу – не раздастся ли желанное урканье соболя.

– А медведя тут можно встретить? – спросил Дима.

– Можно. Только не советую.

– Представляю...

Николай Николаевич заметил крупного, не меньше полтонны, лося, однако палить в него не стал, так как вдвоём с племянником они бы не смогли вынести из тесной чащи такую тушу. Санки остались в зимовье, да и мяса изюбра охотникам было предостаточно.

Тёмным утром погода была холодной, но к светлому утру пошёл снег, потеплело.

Когда дядя склонился к одному из кустов, Дима сразу понял, что тот наконец отыскал соболиный след, и поторопился к нему – хотел видеть и знать охоту всю целиком, от первой приметы до последнего выстрела.

– Осторожней, не топчи, – одёрнул его Николай Николаевич. – Видишь?

– Вижу, – с восторгом ответил Дима, хотя всё зрелище ограничивалось небольшими парными ямками в снегу.

– Смотри. – Дядя подковырнул один из следов ножом. Тот сразу рассыпался белоснежным песком. – Понял?

– Да, – с сомнением кивнул Дима.

– Чего ты понял? – усмехнулся дядя. – Будешь так всё понимать, балбесом и останешься. Если боишься быть дураком, никогда не поумнеешь.

Юноша насупился, даже на холоде почувствовал, как, покраснев, степлилось лицо.

– След рассыпался. Значит, свежий, – пояснил Николай Николаевич. – Ему, считай, не больше часа. Если б он комком вылез в такую погоду, значит – старый и бестолковый. А по свежему можно и выследить.

⁸ Путик – охотничья тропа, на которой охотник ведёт промысел.

Тамга без всякой команды поняла хозяина. Она соскучилась по охоте и, кажется, предвкушала её не меньше Димы. Обнюхав следы, побежала вперёд. Вела носом над снегом – стригла его, мордочки не поднимала. Охотники заскользили за ней, не отрывая взгляда от её скрученного хвоста.

Теперь уже не было ни времени, ни желания следить за тайгой, слушать крики кедровок или высматривать клеста. Дима ждал первого соболя.

Следов становилось больше. Места пошли пушные. Тамга изредка останавливалась, смущённая набродами разных зверьков. Хорошенько обнюхав многоследицу, разобравшись в ней, продолжала тропить выбранного хозяином соболя.

– Самец, взрослый. – Дядя остановился. – Хороший.

Приблизившись, Дима увидел на снегу новые следы – тут зверёк ходил в туалет.

– Почему самец?

– Видишь говёшки?

Дима невольно хохотнул, услышав от дяди такое слово.

– Чего ржёшь? Точно, что балбес. В следующий раз с Артёмычем пойдёшь, с ним будешь над говном ухахатываться.

– Прости. – Дима склонил голову, чтобы скрыть улыбку.

– Говёшки и моча чуть раздвинуты, видишь? Между ними – зазор. Вот. Значит, самец. У самочек они в одно место идут. И лапы у него круглые, а след – глубокий. Значит, взрослый. Нам такой и нужен. Понял?

– Да.

Весёлость улетучилась. Дима жадно слушал дядю. Чтение звериных следов казалось ему чуть ли не магической способностью.

– Пару лет походишь, настропалишься. Тут и без собаки можно, если умеешь по следу запомнить и поступь, и манеру ходьбы, и другие особенности зверька. Так среди всех набродов распознаешь именно его следы, а значит – проследишь до гнезда.

Когда лайка рванула вперёд, Дима от неожиданности замер. Потом, словно в забвении, помчался за ней. Зацепился лыжами за ветку и повалился в снег.

– Куда тебя! Не беги так! Собака, что ли? – грубо, но с улыбкой сказал дядя.

Тамга учуяла добычу. Её лай раздался где-то впереди, потом – сбоку, потом – позади. Николай Николаевич ждал.

– Гонит, – объяснил он племяннику. – Надо, чтобы на дерево загнала. Там он наш. Хуже, если в камни или бурелом. Или под корни. Тогда долго возиться.

– А не упустит? – затаённо спросил Дима.

Дядя не ответил.

Когда лай участился, стал перемежаться громким поскуливанием и сосредоточился в одном месте, где-то справа, Николай Николаевич всё так же без слов заскользил в этом направлении.

Дима с силой отталкивался лыжными палками. Его грудь онемела от тяжёлого сердцебиения. Только бы не ошибиться, не подвести дядю. Юноша готовился исполнять его поручения, весь напрягся до гула в ушах, старался ничего не упустить, не сгупить. Боялся, что по его вине соболю уйдёт, тогда дядя назовёт его беспробудным дураком, откажется брать на охоту и до конца промысла продержит в зимовье – на хозяйстве.

Николай Николаевич правильно сделал, что не допустил его до стрельбы в первый день. Дима бы точно растерялся, тут было не до ружья.

«Эх, надо было на кошках тренироваться».

Охотники подбежали к листовнице, на которую лаяла Тамга. Зверька в кроне не было видно. Он затаился. Но прежде чем искать его, дядя обошёл ствол в нескольких метрах –

высматривал отходные следы: соболь мог одурачить лайку и соскользнуть с веток вниз, убежать.

Отходных следов не было. Значит, он на дереве. Дядя поднял ружьё, отщёлкнул крышечки прицела. Ничего не увидел. Отправил Диму к дереву – нужно было стронуть соболя.

Юноша, чувствуя, как от волнения дрожат руки, выхватил топор. Ободрал кору и начал обухом бить по древесине.

Простучал ствол, замер.

Простучал ещё раз.

Тамга вдруг оживилась, закрутилась на месте, залилась визгливым лаем. Соболь стронулся! Но дядя не торопился стрелять. Ждал, пока тот успокоится на видном месте. В суете можно было повредить шкурку или вовсе промазать.

– Что там? – прошептал Дима.

Из-под ствола он не видел, что происходит в кроне.

– Молчи! – бросил ему дядя.

Соболь не успокоился. Пошёл верхом, перепрыгнул на соседнее дерево. Тамга, не опуская головы, дёрнулась за ним. Началось открытое преследование. О следах на снегу можно было забыть. Главное – не упустить соболя из виду.

Теперь и Дима разглядел в ветвях тёмненького подвижного зверька. Он бежал прочь от собачьего лая. Вздвигался по стволу, торопился по веткам, прыгал на другую ель – отряхивал с её лап снежную пыль. Замирал, потом вновь бежал. Охотники и лайка не отставали.

Дима даже не смотрел, в какую сторону они идут, какие места проходят. Шёл задрав голову. Оступался, ударялся о ветки. Для него, как и для Тамги, сейчас не существовало ничего, кроме верхушек деревьев.

Зверёк подолгу готовился к дальним прыжкам. Знал, что, упав, сразу попадёт в зубы к лайке. Дима напряжённо следил за его движениями, переживал, потеряв соболя из виду. Николай Николаевич был спокоен. Знал, что не упустит добычу.

Соболь перескочил на сухостой и полностью открылся. Тут хвоя не могла его укутать. Дима увидел, что он чем-то похож на кошку. Пушистый, красивый; чуть наклонил голову, рассматривал преследователей. Его круглые мягкие ушки хорошо выделялись на фоне посеребрённого неба. Грохнул выстрел – словно вздёрнулся лист жести.

Дима вздрогнул от неожиданности.

Звонкое, сухое эхо выстрела.

Зверёк тряпичным комом полетел вниз. Ударился о голые ветки, перевернулся и юркнул в снег.

– Headshot, – неуверенно прошептал юноша.

– Фу! – закричал Николай Николаевич.

Тамга подскочила к соболю и хотела прихватить его зубами.

– Фу!

Дядя подбежал, оттолкнул собаку. Достал обмякшего зверька. Осмотрел его и, довольный выстрелом, привязал снаружи к рюкзаку.

– Считаю промысел открытым, – бросил он племяннику.

Дима стоял на месте. Не шевелился. Удивлялся, что совсем не чувствует радости. Наконец увидел охоту – от первого следа до последнего выстрела, но восторг отчего-то не пришёл, азарт притупился. Казалось, что его обманули. Будто должно было произойти что-то ещё, а всё ограничилось сухой последовательностью: выстрелил, подобрал, приторочил и пошёл дальше.

Поразмыслив, решил, что всё случилось чересчур стремительно. Он просто не успел почувствовать момент. Ощущения явно будут другими, когда он сам добудет зверька. К тому же он отчётливо понял, что ему предстоит многому научиться у дяди. Должно быть, всё это вместе огорошило Диму. Размыслив так, он ободрился, пошёл вслед за удалявшимся дядей.

Повторились поиски следов.

Юноша неотрывно смотрел на тушку подстреленного соболя. Она болталась на рюкзаке Николая Николаевича, словно уже превратившись в меховой хвостик на соболиной шапке. Оскаленная мордочка. Игрушечные глазки. Игрушечный нос. Не верится, что этот зверёк был живым.

Сделали небольшой привал. Сложили костёр, подкинули к нему две замёрзшие банки тушёнки.

Дима коптил на огне кусок хлеба и слушал дядю.

– Если стреляешь дробью, стреляй аккуратно. Можешь весь мех продырявить. Лучше встать так, чтобы ветка или ствол прикрыли тушку. Понимаешь?

Дима кивнул.

– Встань так, чтобы видеть только голову. Тогда и стреляй. Голову пробьёшь, а мех не тронёшь – остальная дробь угодит в дерево. И не торопись. Смотри, чтоб он там на ветках не застрял, потом не доберёшься.

– А когда ты убил своего первого соболя? – невпопад спросил Дима.

– Не убил, а добыл, – только и ответил Николай Николаевич.

До вечера Тамга ещё несколько раз брала след, даже облаяла лиственницу, но соболей охотникам больше не попадался.

К зимовью возвращались молча. Дима шёл понуро. Своё настроение объяснил себе усталостью от долгих переходов и тем, что сегодняшняя охота принесла им лишь одного зверька. Правда, дядя сказал, что случаются и вовсе пустые выходы, а больше трёхчетырёх соболей никто не отстреливает даже в удачные дни.

– Мясо-то поклевали. – Вечером Артёмыч встретил их на пороге дома. Они с Витей вернулись чуть раньше.

– Кто? – удивился Николай Николаевич.

– Ясно кто. Ворон. Говорил же!

– Может, и не тот ворон. – В дверях появился Витя.

– Тот, тот!

– Какая разница, тот или не тот?

– Такая разница, что надо было его сразу стрелять! – настаивал Артёмыч. – А теперь поди поймай. Знает, когда приходить, вечером не сунется...

– Ладно, чего встали, – отмахнулся Николай Николаевич. – Дайте пройти.

Зайдя в дом, Дима сбросил рюкзак и сразу повалился на раскладушку. Он уже давно так не уставал.

Долго полежать ему не дали. Нужно было хозяйничать по дому. Юношу опять послали за чистым снегом. Он не противился. Это было лучше, чем колоть дрова.

Пока Артёмыч готовил ужин, Николай Николаевич успел стянуть с соболя шкурку. Показал её племяннику. Дима, оправившийся от недавней хандры, с улыбкой погладил мех. Дядя назвал его добротным – выходным, то есть с густой тёмной шёрсткой. Такие ценятся больше всего. Дима приложил его к щеке, наслаждаясь мягким теплом.

– Ладно тебе, – рассмеялся Николай Николаевич. – Ещё, глядишь, нацепишь вместо шапки.

Его смеху вторили Артёмыч и Витя. У них добычи пока что не было, но капканов они поставили много и надеялись, что те вскоре заговорят тихим клацаньем. В ближайшие дни нужно было поставить ещё не меньше пятидесяти.

Забрав у Димы шкурку, Николай Николаевич вывернул её мездрой⁹ наружу, натянул на деревянную распорку и повесил сушиться на верёвке в углу. Там же висела бледная тушка

⁹ Мездра – слой подкожной клетчатки на невыделанной шкуре.

соболя, её наметили на приманку. Сейчас зверёк, раздетый от меха, был худым, невзрачным, чем-то похожим на кошку-сфинкса. И не скажешь, что соболь.

Растопленная печь согрела дом. Снаружи изредка высвистывал ветер, но больше томила тишина. Зима сковала жизнь, город вспоминался далёким и ненастоящим.

– Мой отец ловил соболя слопцом, – рассказывал после ужина Николай Николаевич.

– Чем? – переспросил Дима.

Он лежал на раскладушке, наслаждался тем, что может вытянуть и расслабить гудевшие от усталости ноги. «Неужели придётся так каждый день бегать – ради единственной шкурки?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.